

М. ЛЕНИН

**ПЯТЬДЕСЯТ
ЛЕТ
В ТЕАТРЕ**

***ТЕАТРАЛЬНЫЕ
МЕМОАРЫ***

ВСЕРОССИЙСКОЕ ТЕАТРАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО

Москва 1957

стью, были проникнуты тоской об искалеченной, бесплодно прожитой жизни.

Тонко найденными деталями изобиловало исполнение роли Астрова, в которой выступал режиссер спектакля артист Е. Я. Неделин.

Настороженно, чутко и нервно играла А. А. Пасхалова роль Сони. Она проходила через весь спектакль как светлое видение захолустной заброшенной усадьбы. Когда Соня вслед за старухой-нянькой произносила: «Уехали» — в этом слове не было безнадежности: актриса вкладывала в него короткую печаль.

Исполнение остальных ролей было также продумано, прочувствовано и далеко от шаблона.

Зимой 1902 г. — уже в Москве — я познакомился с А. П. Чеховым. Мы встретились с ним у сестер Жеребцовых — помещиц Смоленской губернии, переводивших сочинения Чехова на английский язык.

Антон Павлович произвел на меня впечатление человека на редкость застенчивого. Казалось, он не проронит ни слова. Но вот пришел его однокашник и земляк-таганрожец — первый исполнитель роли Дяди Вани в Художественном театре — А. Л. Вишневский. И Чехов вдруг оживился — стал «поддевать» его одним из понятными ироническими вопросами, замечаниями...

Я заговорил о «Дяде Ване» в постановке Соловцовского театра. Антон Павлович видел этот спектакль и сказал, что играли блестяще.

— Где же лучше: у нас или в Киеве? — добивался А. Л. Вишневский.

— Я еще раз повторяю: в Киеве играли блестяще, — мягко повторил А. П. Чехов.

Меня, как поклонника Н. П. Рощина-Инсарова, такой — хотя бы и уклончивый — ответ Антона Павловича удовлетворил вполне.

Николай Петрович был крупный взыскательный мастер сцены. Достаточно сказать, что А. П. Ленский считал его лучшим Чацким.

Я несколько раз видел Н. П. Рощина-Инсарова в этой роли. В его исполнении подкупала яркая передача влюбленности Чацкого в Софью.

Чацкий Н. П. Рощина-Инсарова был умен, мужествен, но неразделенная, отвергнутая любовь рождала в нем вспышки гнева, негодования. Он был несчастен, как человек, оскорбленный в лучших чувствах.

Одной из любимых ролей Н. П. Рощина-Инсарова был Глумов в комедии А. Н. Островского «На всякого мудреца довольно простоты». До сих пор живет в моей памяти сцена, когда Глумов быстро оценивает положение и, отшвырнув свой цилиндр, бросается перед Мамаевой на колени.

Артист неподражаемо передавал рассеянность Глумова, когда он искал перчатки, которые были у него же на руках.

Н. П. Рощин-Инсаров имел свои оригинальные актерские приемы. Один из них — эффектное появление на сцене. Он всегда выходил очень быстро и вдруг останавливался, как вкопанный, словно позируя для художника или скульптора.

ный, неторопливый, то бурный, стремительный, взметнувшийся ввысь..., то глубоко лирический с чарующими, глядящими в душу, большими-большими глазами...

Перевоплощаясь из образа в образ, Александр Павлович показывает ученикам отдельные роли. С какой щедростью он передает им свой опыт, богатство «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет», чтобы снова искать, творить, толкать, вести вперед, только вперед эти взыскующие неискушенные души.

Объясняя ученику тот или иной кусок, А. П. Ленский иногда «проигрывал» одну из своих ролей, и это никогда не было повторением им созданного, — это был новый вариант и, наверно, еще более яркое дерзание. И когда однажды прочитал Александр Павлович монолог Уриэля Акосты: «Яд смертельный в моей груди» — мы были потрясены до глубины души. А вот на одной из ученических репетиций он играет сцену из «Бесприданницы», и перед нами во весь рост предстал «блестящий барин из судохозяев» — Паратов.

В школьных спектаклях А. П. Ленский никогда не удивлял режиссерскими тонкостями, трюками, он никогда не отвлекал внимания от исполнителей: сущность спектакля в них, к ним должно быть приковано внимание зрителей.

Упорно и настойчиво боролся А. П. Ленский за качество репертуара. Постановку пьес Островского и Салтыкова-Щедрина, Кальдерона, Гольдони и Бомарше ему приходилось отвоевывать у дирекции, которая считала нецеле-

сообразным перегружать репертуар классикой, ссылаясь на то, что якобы у публики нет спроса на классику.

Больше всего хотелось А. П. Ленскому увидеть на сцене Малого театра пьесы А. П. Чехова. С какой энергией ратовал он за постановку «Дяди Вани»! Однако дирекция предложила автору явно неприемлемые переделки третьего акта. А. П. Чехов отказался их выполнить. И Вл. И. Немирович-Данченко сейчас же включил «Дядю Ваню» в репертуар Художественного театра.

А. П. Ленский был великий актер. В каждой роли он давал новое, оригинальное и глубоко правдивое истолкование. В Дудукине, например, Александр Павлович подчеркивал любезную старомодность провинциального мецената. И все было старомодно в его Дудукине — костюм и взгляды на жизнь. Потому вполне понятна и убедительна была сцена Дудукина с Кручининой во втором акте. А во всякой другой трактовке эта сцена кажется навязчивой со стороны Дудукина.

Помню одну деталь в игре А. П. Ленского — Лыняева. Лакей поднес ему кофе, и он взял чашку, — взял неуклюже, потому что был загружен вещами Глафиры: под одним локтем — накидка, под другим — зонтик. Оторвать руки нельзя. И эта неуклюжесть была так естественна, бытовая черточка была так тонко и верно наблюдаема, что зрительный зал награждал актера бурными аплодисментами.

В пьесе Южина «Невод» он играл крупного бюрократа Светинцева. Это было воплощение